

в конце XVII в. параллельно с ростом города и измельчанием дворянских владений, когда обедневшие помещики-дворяне не гнушаются заняться хотя бы и приказными делами? Приблизительно в то же время, т. е. в 70—80-е годы XVII в., мы имеем свидетельство из переписки стольника Безобразова о некоем Калине Бахметеве «из дворян московских», который был своим человеком во дворе стольника и сам называл себя его «вскормленником». «Изволь, государь», просит московский приказчик Бахметева, «отписать грамоту к Калине Бахметеву, чтобы он пожаловал, в твоих делах вспоможение чинил; а итак, государь, по милости твоей Калина со мною все челобитные пишет».¹

Неизвестный автор «Повести» мог сам близко стоять к подобным «разночинцам», так как в изложении нет ни малейшего упрека Фролу Скобееву, а стольник Нардин-Нащекин оказывается в смешном положении и, не найдя выхода из него, вынужден «вора и плута» Скобеева признать своим родственником. Нельзя ли в данном случае говорить, если не об определенном «социальном заказе», вызвавшем появление повести, то о той или иной читательской среде, где бытовала «Повесть», так как ведь читатель зачастую являлся и переписчиком и автором, переписывая и внося свои изменения в первоначальный текст повести?

Вопрос о датировке «Повести» имеет поэтому немалое значение, так как, относя ее к тому или иному времени, к концу XVII в. или ко второй половине XVIII в., мы тем самым ставим ее в совершенно различную конкретную историческую обстановку. Между тем, как уже было упомянуто, исследователю придется здесь испытать немало затруднений, в силу того, что до нас повесть дошла лишь в списках конца XVIII в., содержание же и бытовые подробности рассказа относятся к концу XVII в., но автор говорит о событии и об обычаях того времени, как о чем-то в старину бывавшем («тогда все обычай имели быть в собрании на Ивановской площади...», «Имели в то время обычай те старые люди носить в руках трости...»), так что скорее можно предположить, что появление повести было отделено от события некоторым промежуточком времени. В списках повести, наряду со следами архаизма языка («по отшествии литургии», «стала в великом страхе», «не преслушала воли» и т. п.), изложение пестрит более поздними словами и оборотами речи, и прежде чем установить стилистические особенности, свойственные первоначальному тексту (сравни попытку Н. Н. Кононова датировать «Повесть», исходя из особенностей ее

¹ А. А. Новосельский. «Вотчинник и его хозяйство в XVII в.», стр. 57—58.